

Подъ кровомъ вѣрнымъ и надежнымъ
 Давно испытанной любви.
 И счастливъ въ незавидной долѣ!
 Его всегда лелѣютъ сны:
 Онъ видитъ вѣчно лугъ и поле
 И поцѣлуй своей жены.
 И онъ—заранѣ утомленный
 Слѣпой фортуной сибаритъ—
 И онъ отъ бѣднаго сокрытъ
 На ложѣ нѣги утонченной!
 Напрасно голосъ гробовой
 Странья тяжкаго вызываетъ:
 Онъ никогда не возмущаетъ
 Его души полуживой!
 И пусть таитъ глухая совѣсть
 Свою докучливую повѣсть:
 Ее ужасно прочитать
 Во глубинѣ души убитой!
 Ужасно небо призывать
 Десницѣ, кровію облитой!..
 Едва замѣтною грядой—
 Громадъ воздушныхъ рядъ зыбучій—
 Плынуть во тьмѣ сѣдья тучи;
 И мѣсяцъ блѣдный, молодой,
 Закрытый ихъ печальной тканью,
 Прорѣзалъ дальній горизонтъ
 И надъ гремячею Кубанью
 Глядится въ новый Геллеспонтъ...
 Бывало, бодрый и безмолвный,
 Казакъ на пагубныя волны
 Вперяетъ взоръ сторожевой:
 Нерѣдко ихъ знакомый ропотъ
 Таилъ коней татарскихъ топотъ
 Передъ тревогой боевой;
 Тогда винтовки смертоносной
 Нежданный выстрѣлъ вылеталъ,
 И хищникъ смерти поносной
 На брегѣ русскомъ погибалъ;
 Или толпой ожесточенной
 Врывались злые враги
 Въ шатры Защиты изумленной—
 И обагрjali глубь рѣки
 Горячей кровью казаки.